

Tommi Saari

Андрей Тарковский

ПОЭЗИЯ – ЕГО СПОСОБ ЖИЗНИ

Предисловие к сборнику стихов Тонино Гуэрры «Волы»

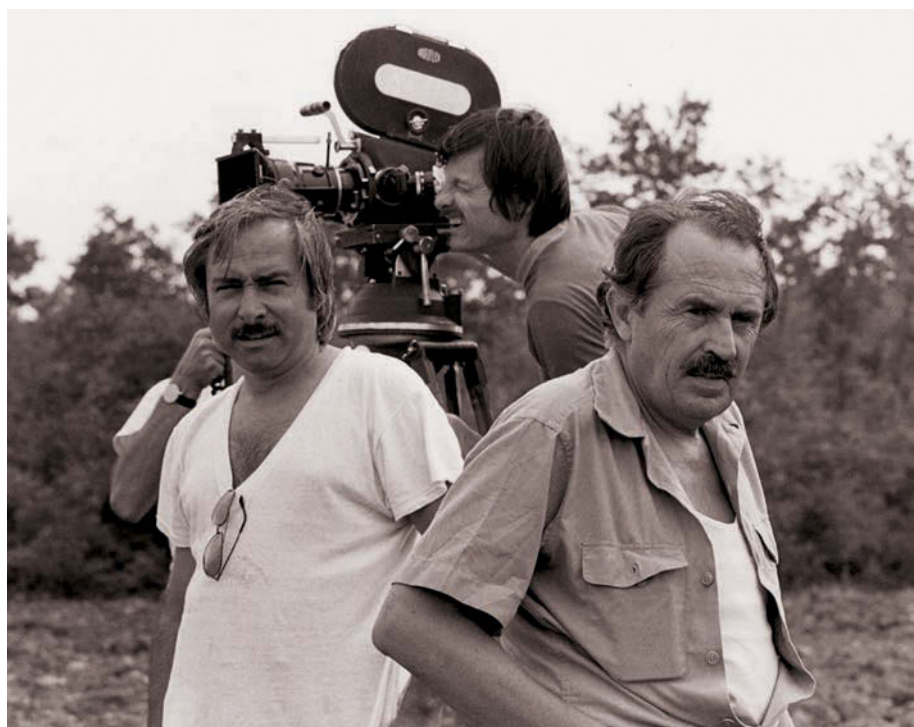
Кто пуговицы ищет, кто железки,
Девчонки — лоскутки или обрезки.
Но вот они уходят, и тогда
Является последний, он опять
Пришел к разбору, но не унывает.
Счастливец улыбается — он знает,
Что самое прекрасное — искать*.

Тонино Гуэрра — поэт. И тогда, когда он обращен к прозе, и когда сочиняет сценарий для кино, и когда пишет стихи. Поэзия — его мировоззрение, способ жизни; и если бы, к несчастью, ему пришлось для того, чтобы прокормиться, рыться на свалках, то и тогда он бы, конечно, остался поэтом.

Он добрый и непосредственный, как ребенок. У него агрессивный взгляд беззащитного человека. Он немного сутулится и смеется почти до слез, когда ему смешно, не считаясь с приличиями. У него неповторимый характер естественного существа. Иногда возникает странное

* Перевод Р. Сефа.

Тонино и Лора Гуэрра с Андреем Тарковским во время съемок фильма
«Время путешествий»

впечатление, что он до сих пор не общался с людьми. С ним очень трудно людям неискренним, дипломатам, себе на уме. Не оттого что он их видит насквозь, а потому что им кажется, что они им разоблачены. Он выходец из крестьянской семьи.

Гуэрра пишет на диалекте романьоло. В Италии всегда и много писалось на диалектах. Данте, Петрарка и Боккаччо писали на вульгарной латыни, то есть на тосканском диалекте, тогда как все официальные бумаги (документы) того времени написаны на латыни. И Порта, миланский поэт, обладающий языком прямо-таки магического обаяния и звучащий вполне современно в наши дни, и Эдуардо де Филиппо, и Пазолини (свои ранние и, может быть, лучшие стихи) писали на диалекте. И впоследствии Пазолини писал книги на диалекте фриулано.

Современный итальянский язык существует, по мнению Гуэрры, как способ коммуникации, диалект же, кроме этого, дает возможность для самовыражения. В словах, высказанных на диалекте, чувствуется тело и запах тех, о ком говоришь. По выражению молодого итальянского критика Анджело Гульельми, чувствуешь, чистые или грязные у него руки. На диалекте выразимы и ирония, и симпатии народа, чего нельзя сказать об общеупотребительном итальянском, который слышишь каждый день по радио или телевидению.

Диалект исходит из уст народа, обладая своеобразной и предопределенной стилистикой и поистине фантастической спрессованностью.

Стихи его просты, бесхитростны и прекрасны. Они лишены аллегорий и символов, их образы не расшифровываются — не разлагаются... как нельзя разобрать часовой механизм без того, чтобы он не остановился. Они выражают правду, красоту, не расчлняя их, а отражая — целокупной радостью творчества и бытия. Они чем-то напоминают мне средневековое японское хокку, полное чистого, дзеновского созерцания:

*Моя стена когда-то
Была покрыта шелковым плетеньем —
Сетями пауков.*

Вот и все стихотворение!

Андрей Тарковский, Тонино Гуэрра, Карлотта Фико, Лора Гуэрра и Энрика Фико-Антониони на вилле Антониони на Сардинии

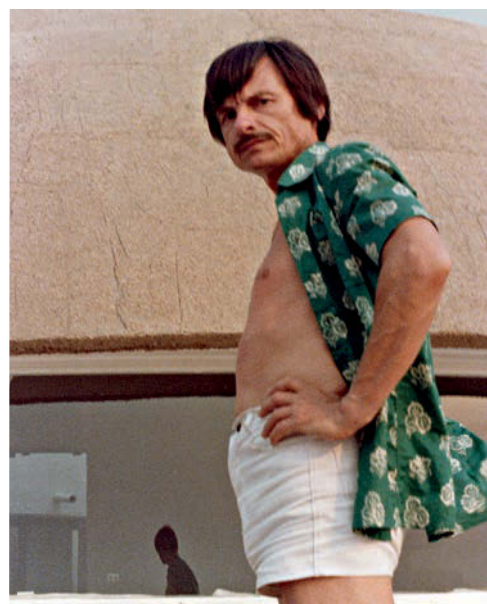

С Андреем Тарковским в гостях у Антониони на Сардинии

Тонино на полароидном снимке Андрея Тарковского

С Андреем Тарковским в Москве на улице Пырьева

Поэзия – его способ жизни

Кроме большого количества прозы и стихотворных сборников, Гуэррой написано множество киносценариев для теперь уже знаменитых фильмов. Он сотрудничал и с Микеланджело Антониони, и с Рози, и с Федерико Феллини. В «Амаркорде» Феллини целый эпизод о сумасшедшем на дереве вышел из стихотворения Гуэрры «Кот на абрикосовом дереве».

Все лучшие кинорежиссеры всегда поэты. Вспомним имена хотя бы некоторых из них — Довженко, Феллини, Виго, Антониони, Бергман, Параджанов, Бунюэль, Куросава. Кино рождено поэтами. И поэтому Тонино Гуэрра не случаен в нем.

В стихах Гуэрры вы найдете многое — и тонкий юмор, и печаль, и радость, и страдание, и надежду. Он очень нежный и ранимый, этот крестьянин из Романьи, лишенный кожи.

Во время путешествия по Италии

Рустам Хамдамов

СЛОВО

О ТОНИНО

Некотрые люди переживают два или три человеческих поколения. У них в душе происходит то же самое, что у посетителя театра, который смотрит подряд три представления. Пьеса была рассчитана на одно представление, и новизна исчезла, обман не производит уже никакого действия.

У Тонино же получилось задержаться в первом представлении, и зажигать лампочки не там, где написано, и менять надписи на вывесках, чтоб обычное представлялось всем нам по-новому. Увидел Тонино, к примеру, метро «Новослободская» в Москве и сделал из этого впечатления у себя в городке оранжерею и для цветов, и для представления. Или восхитился ковром на могиле Нуриева в Париже, распластал его по плоскости, насыпал на него горку из белой керамики, и это уже памятник соли в городе Червия. Оттуда в древности везли соль в Европу. Но ведь это еще и великолепный фонтан! Ковер-то лежит на воде.

Вы нечасто встречали людей в третьем уже поколении, чтобы те серьезно играли среди самых обычных вещей, переделывали их в необычные и все радовались этому. Вот Тонино и возвращает память многим о прошлых «представлениях», едва не потерянную нами.

Тонино Гуэрра. Рисунок Рустама Хамдамова

С Рустамом
Хамдамовым

Фонтан
в городе
Червия

Подарок Тонино Гуэрре от Рустама Хамдамова

Георгий Данелия

АНАНУРСКИЙ КРЕСТЬЯНИН

В 1942-м я и два моих двоюродных брата, Ромаз и Джиу, были в горной деревушке Араниси. Я писал, что война застала нас с мамой в Грузии и мы вернулись в Москву только весной 1943 года. В 1942 году отец прислал маме с оказией какие-то свои вещи: демисезонное пальто, меховую шапку, железнодорожный китель, сапоги, рубашки. (Он был тогда на фронте. Строил командные пункты.) В Тифлисе мама работала на киностудии помрежем. Как только выдался свободный день, она решила поехать и отвезти вещи отца в деревушку, чтобы там поменять их на продукты — кукурузу, масло, сыр. (За деньги крестьяне ничего не продавали.) Добиралась она с большим трудом. Автобусы не ходили. Немцы уже подошли к Кавказу. По Военно-Грузинской дороге навстречу шли отступавшие войска и беженцы. А в ту сторону — ехала военная техника и грузовики с солдатами. Мама голосовала, никто не останавливался. И только к ночи медицинская машина довезла ее до деревни Ананури. А от Ананури до нашей деревушки надо было подниматься несколько километров в горы, что ночью для городской женщины очень трудно, вернее невозможно. Мама постучала в первый попавшийся дом. Дверь